формы маргинальности, воспроизводя на новом уровне старые дилеммы между традицией и преобразованием.

1. *Добринская, Д.Е. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва / Д.Е. Добринская, Т.С. Мартыненко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2019. – Т. 19, № 1. – С. 108-120. – https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120. – https://elibrary.ru/VUHAGN.*
2. *Зотов, В. В. Проявление цифровой маргинализации при вхождении в гибридное пространство современного общества (на примере начинающих пользователей) / В.В. Зотов, К.Э. Гаврильченко, А.В. Губанов // Научный результат. Социология и управление. – 2025. – Т. 11, № 1. – С. 110-127. – https://doi.org/10.18413/2408-9338-2025-11-1-0-7. – https://elibrary.ru/FPOANS.*
3. *Индекс цифрофобий [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) – URL https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-cifrofobii (дата публикации: 06.10.2025, дата обращения: 10.10.2025).*
4. *Flanagan, P. Digital Divide // Encyclopedia of Information Science and Technology, Fourth Edition / Ed. by M. Khosrow-Pour. – Hershey, PA: IGI Global Scientific Publishing, 2018. – P. 4619–4628. – DOI: https://doi.org/10.4018/978-1-5225-2255-3.ch401.*
5. *Park, S. Multidimensional Digital Exclusion and Its Relation to Social Exclusion / S. Park // Vulnerable People and Digital Inclusion / Ed. by P. Tsatsou. – Cham: Palgrave Macmillan, 2022. – P. 75–93. 2022. P. 75-93. https://doi.org/10.1007/978-3-030-94122-2_4*

ДИАЛЕКТИКА СОВРЕМЕННОСТИ В СОЦИОЛОГИИ XX – XXI ВЕКОВ

Иванов Дмитрий Владиславович
(СПбГУ)

Представлены результаты исследования, выполненного за счет средств гранта Российского научного фонда, грант № 24-18-00261

Понятие современности (Modernity) как особого типа социальной жизни и устройства общества, а не просто хронологического момента, сформировалось в результате развития теорий модернизации в середине прошлого века. Линейные по своей логике теории модернизации создавались в качестве альтернативы влиятельной в то время марксистской концепции общественного развития с положенной в ее основу диалектической логикой. Ядро всех теорий модернизации составляет бинарная оппозиция «традиционность – рациональность», взятая у М. Вебера и получавшая новые интерпретации по мере появления новых теоретических моделей современности у М. Леви, Ш. Айзенштадта, Э. Гидденса, У. Бека, З. Баумана [1 – 6]. В этих моделях современность представлена в позитивном и позитивистском ключе, что расходится с идеями Вебера, который указывал на тенденцию превращения рационализации социальной жизни в собственную противоположность – скованность «железным панцирем» формальной рациональности и бюрократического ритуализма. Этот диалектический, по существу, переход у Вебера был взят в качестве отправной точки в неомарксистской критической теории Франкфуртской школы. В «Диалектике просвещения» М. Хокркхаймера и Т. Адорно [7] и в «Одномерном человеке» Г. Маркузе [8] веберовская диалектика рационализации и рационального господства интегрирована с марксовой диалектикой развития капитализма и борьбы за эмансипацию. Перманентная негативная диалектика превращения рациональности в собственную противоположность – это наиболее адекватная модель социокультурных процессов, образующих современность как во времена Маркса и Вебера, так и в наши дни.

В XX веке критика формальной, инструментальной, технологической рациональности убедительно представляла диалектику современности. В XXI веке критическая теория должна продвигаться дальше, исходя из выявленной основателями Франкфуртской школы историчности рациональности. Понятие инструментальной рациональности Хоркхаймером и Адорно в «Диалектике просвещения» выработано в широком контексте анализа столкновения традиционной культуры, укорененной в аграрной цивилизации, с просвещением, олицетворяющим наступление индустриального общества. Рациональность, ориентированная на представление любого феномена в качестве инструмента – единичного и относительно простого объекта – орудия для продуктивной деятельности или средства манипулирования другими людьми, не выходит за горизонт опыта крестьян, рабочих, торговцев, интеллектуалов времен раннего капитализма. Альтернатива инструментальной рациональности конструировалась как радикальное отрицание рациональности в форме высвобождения чувственности, естественных влечений, как в «Эросе и цивилизации» у Маркузе [9], или как гуманизация рациональности через свободные и нацеленные на достижение взаимопонимания дискурсивные практики, как в «Теории коммуникативного действия» у Хабермаса [10].

Понятие технологической рациональности у Маркузе создано уже в совершенно другом контексте. Анализ позднеиндустриального общества массового производства и потребления приводит к концепции рациональности, ориентированной на представление реальности как сложно организованного порядка вещей, эффективное использование которых возможно только в рамках системы коллективных действий. Технологическая рациональность – концепция, фиксирующая горизонт опыта участников массовых процессов материального и символического производства и потребления в условиях организованного капитализма. Альтернатива – посттехнологическая рациональность, соединяющая чувственность / телесность и разум, выводилась в «Одномерном человеке» Маркузе из практик контркультуры, меньшинств, борющихся за право на автономный образ жизни, молодежных бунтов, антиколониалистских движений середины XX в.

В контексте продвинутого постиндустриального общества критической теории требуется переход от концепции технологической рациональности к новой форме, которую можно определить как алгоритмическую рациональность. Применительно к постиндустриальному обществу *алгоритмическая рациональность* – это новая логика господства. Алгоритмическая рациональность является схемой восприятия реальности как динамичной и гибридной совокупности объектов, успешное обращение с которыми предстает как выстраивание сети отношений между ними в соответствии с программой, задающей последовательность решения стандартных задач. Именно эта форма рациональности сейчас отражает и форматирует опыт подавляющего большинства производителей и потребителей, менеджеров и клиентов в условиях постиндустриального капитализма сетей и потоков.

Экспансия цифровых технологий, оправдываемая высвобождением труда в результате автоматизации производственных процессов, приводит к росту не учитываемых и не компенсируемых трудозатрат пользователей, а главное, к тому, что алгоритмическая рациональность замещает коммуникативную рациональность, человеческую субъективность и субъектность. Особенно это заметно в буме внедрения так называемого искусственного интеллекта. Сетевые платформы, организуя выдачу данных в соответствии с моделируемыми по их персональным цифровым следам предпочтениями и решениями, не просто имитируют работу индивидов с информацией. Они ограничивают информационный и коммуникативный горизонт, препятствуют выбору и действиям, отклоняющимся от навязанных разработчиками и администраторами

платформ схем. Многообразные дроны, боты, нейросети также редуцируют интеллектуальные усилия и творческий процесс к быстрому подбору простого решения из доступной массы шаблонов, организуемых на социокультурном уровне не выше достигнутого массой программистов и менеджеров. Искусственный интеллект сегодня – это отчужденное бытие заурядного разума. Вопреки технократическому энтузиазму, программируемые автоматизмы не высвобождают ресурсы, а увеличивают их расходование, повышают трудозатраты, тормозят социальное развитие.

Искусственный интеллект сейчас фетишизируется, в том числе социологами, а нужно сделать его предметом критического анализа в рамках общей и важнейшей для критической теории проблематики – концептуализации сопротивления и альтернативы господству алгоритмической рациональности. В первом приближении альтернативой алгоритмичности можно представить *аритмичность* жизни, не подчиненной ритмам, навязываемым через цифровые платформы и гаджеты. Интуитивное понимание цифровых технологий как средств контроля и частичный уход из-под контроля алгоритмов, поворот от виртуальности к телесности и непосредственности опыта изредка входят в повседневные практики немногочисленных пользователей. Их стихийный «малый отказ» далек от маркузеанского «Великого отказа» [8], но в полном соответствии с классическим проектом критической теории в эмпирически фиксируемых, пусть и маргинальных практиках саботирования, замедления цифровых ритмов, сопротивления их контролирующей силе должна быть найдена реальная основа для новой утопии эмансипации.

Потенциал эмансипации полвека назад виделся в маргинальных сообществах, исключаемых из одномерного общества – контркультуре хиппи, молодежных движениях, разного рода меньшинствах, населении стран «третьего мира» [8]. К началу XXI века антисистемность и асоциальность альтернативных движений того времени была абсорбирована, апроприирована и превращена в нормативную основу репрессивной многомерности постиндустриального общества с характерными для него формами социального контроля: структурами ответственного потребления, позитивной дискриминации, мультикультурализма и толерантности. Эти новые формы социального контроля выросли из апроприации корпорациями и государственной бюрократией практик антисистемных движений. Новые левые, новые социальные движения (экологистские, правозащитные, студенческие, пацифистские, феминистские и т. п.), неомарксизм, включая Франкфуртскую школу теперь стали социально и политически старыми. Практики и идеи эмансипаторов старшего поколения консервативны и аффирмативны по отношению к системе репрессивной многомерности и дополняющего ее теперь режима тотальной и принудительной виртуализации / цифровизации социальной жизни. Особенно зримо этот консерватизм и лояльность по отношению к подавлению прав и свобод проявились в активной поддержке именно леволиберальными партиями и общественными деятелями неадекватных санитарных и карантинных мер, выведших принудительную виртуализацию и господство посредством цифровых платформ на ощутимо более высокий уровень.

Перспектива эмансипации теперь – в диалектическом отрицании виртуализации и цифровизации, перешедших в режим социальной рутины. Нужно выявлять потенциал сопротивления и освобождения в тенденциях поствиртуализации в суперурбанизированных центрах, где жизнь погружена в плотные сети и интенсивные потоки и потому виртуализация и цифровизация предстают уже историей и бытом предшествующего поколения. Перепроизводство образов и коммуникаций приводит к их обесцениванию, а ценностью все больше становится физическое соприсутствие,

тактильность, «аналоговый» опыт в противовес «цифровой» трансформации, аутентичность насыщенной жизни в противовес виртуальности имиджей и медийных репрезентаций. Этот ценностный сдвиг и порождает тенденции поствиртуализации.

В контексте процессов поствиртуализации тотализирующие цифровые платформы являются архаичными. Уход из-под контроля алгоритмической рациональности становится естественным движением тех, кто не хочет ни возвращения к довиртуальной архаике прошлого, ни пребывания в тотально цифровой архаике настоящего. Неотрефлексированный и неполитизированный бунт аутентичности против тотальной виртуальности проявляет себя в повседневных практиках создания дополненных социальных реальностей. Наглядные примеры этого можно найти в крупных городах, где сначала обычные сквоттеры и активисты альтернативных движений, а затем коммерциализирующие их новые практики бизнесмены создают публичные пространства, функция которых – быть точками доступа к реальности в мире, перенасыщенном виртуальностью.

Общей характерной чертой публичных пространств, которые организуются и функционируют как точки доступа к реальности, является соединение вещей и практик, которые традиционно разграничивались институционально и включались в разные порядки интеракций. Устремляясь в новые публичные пространства, организуя в них поток событий, проектов, впечатлений, поддерживая при этом непрерывные коммуникации и беспрестанно обновляя контент в виртуальных социальных сетях, люди соединяют в одном месте и времени труд и отдых, потребление и производство, обучение и развлечение, обращение с реальными и виртуальными объектами. Сетевые и потоковые структуры, соединяющие в точках доступа к реальности «аналоговый» опыт и «цифровую» трансформацию, пересекают традиционные институциональные границы и взламывают привычные порядки интеракций. В результате такого взаимопроникновения разных реальностей насыщенный цифро-физический опыт современных горожан предстает как социальная жизнь в режиме дополненной реальности.

Новые тренды в потреблении, организации труда и досуга, коммуникациях и стиле жизни демонстрируют, что «поворот к реальности» не ослабляет виртуальность, а вводит ее в разумные рамки и ведет к социальной жизни в режиме дополненной реальности, в которой происходит взаимопроникновение разных социальных реальностей и интегрируются физические и цифровые, материальные и символические, производственные и потребительские, частные и публичные, модернистские и постмодернистские компоненты человеческого существования. Таким образом, после виртуализации социальной реальности эта реальность не исчезает, как предполагали теоретики постсовременности [11], но становится более интенсивной и принимает общую форму, которую можно назвать «дополненной современностью» (augmented Modernity).

Дополненная современность локализована в суперурбанизированных центрах. Насыщенная, интенсивная и турбулентная социальность в крупных городах контрастирует с социальной жизнью в малых городах и в сельской местности, которые теряют ресурсы, в первую очередь человеческие, которые «вымываются» потоками, идущими в направлении суперурбанизированных анклавов дополненной современности. За пределами мегаполисов упадок характерных для развитого индустриального общества институтов так называемого «социального государства» (welfare state), демонтированных в ходе неолиберальных реформ, и уменьшение числа и разнообразия интеракций, вызванное оттоком наиболее социально активного населения, переводит общественную жизнь в режим «истощенной» современности (exhausted Modernity). Диалектика дополненной современности и истощенной современности – это новое структурное

противоречие, новое измерение социального неравенства и отправная точка для развития критической теории.

Анализ структурных противоречий позволяет выявить объективно существующий потенциал эмансипации, ухода из-под власти алгоритмической рациональности. Однако главной проблемой критической теории общества в сегодняшнем обществе остается та же, что была и во времена Хоркхаймера и Маркузе. Неомарксистская критическая теория развивалась, движимая разочарованием в революционной субъектности пролетариата и левых партий и в поисках нового политического субъекта эмансипации. Революционная субъектность новых левых и контркультуры была явно переоценена. И теперь отсутствие политической субъектности должно не повергать в теоретическое отчаяние, а указывать на бесперспективность поисков драйверов трансформации в сфере политических институтов и движений, которые после виртуализации остаются лишь структурами имиджевого воспроизводства, символической легитимации алгоритмического управления. В XXI веке «революционеров» и «партизан» следует искать в повседневности, в микрополитике сопротивления социальной рутине.

После «Великого отказа» новых левых в 1960-х и «Великого исхода» кибер-активистов в 1990-х гг. социальными партизанами становятся те относительно немногочисленные маргиналы, кто практикуют «малые исходы» в направлении поствиртуализации: молодежь (digital natives), сбегающая в реальность жизни и избегающая цифровой архаики; мигранты из зон истощенной современности в очаги дополненной социальности; беженцы от угнетающей рутины институтов и интеракций в узлы сетей и потоков; саботажники, препятствующие нормальному выполнению алгоритмов, отстающие от заданных ими ритмов или, напротив, опережающие их. Бунт аутентичности против виртуальности отчужденного бытия, против тотальной цифровой социализации, против алгоритмической рациональности возникает из множества микробунтов и микродвижений.

Бунт аутентичности против виртуальности может вести к созданию множественных цифро-физических мини-платформ как альтернативы отчуждающим цифровым супер-платформам, может вести к возникновению множества практик свободных от их алгоритмов. Но бунт аутентичности не является источником для позитивной социетальной утопии. Социетальной утопией были концепции современности, рефлексивной современности, множественных современностей. Социальной дистопией была концепция постсовременности (Постмодерна). Диалектическая связка дополненной современности и истощенной современности является моделью, в которой бунт аутентичности предстает драйвером развития в направлении будущей тотальности господства, а не глобальный проект общества свободы после цифровизации.

Маркузе в «Одномерном человеке» уже показал, что предлагающая любую позитивную альтернативу критическая теория сама быстро поглощается и утилизируется в виде аффирмативного дискурса в системе новых форм контроля, поддерживающих отчужденное бытие. Но имманентная критика и субъектность в абсорбирующей любые противоречия и альтернативы тотальности господства все же возможны. Эта возможность коренится в разной динамике критической субъективности / субъектности и объективированных структур. Подвижность и аритмичность субъекта выводят его из подчиненности стабильным и монотонным объектностям. Свобода утопична как состояние, но реальна как уход в отрыв, как перманентное усилие и движение, интенсивное и опережающее процесс абсорбции альтернативных практик новыми формами социального контроля.

Критическая теория, чтобы не вырождаться в разновидность традиционной и в аффирмативный дискурс, должна быть диалектической перманентно. А диалектика – это опережающее движение за пределы обыденной реальности, а не просто фиксация «амбивалентности», противоречивости реальности. Реальность сейчас – это господство алгоритмической рациональности, социальная рутина цифровизации и создание дополненных социальных реальностей в виде цифро-физических платформ, автоматизированных коммуникаций, проектов и ивентов, соединяющих старые структуры современности – институты и интеракции, с новыми – сетями и потоками. Сопротивление алгоритмической рациональности и мобилизация бунта аутентичности и истощенной современности – шанс для критической теории и альтер-социальных движений изменить современность и одновременно потенциал развития структур господства. Новая современность – это и дополненная современность, и истощенная современность, и их грядущая трансформация в нечто третье. Такова диалектика современности в XXI веке.

1. *Levy M. Modernization and the Structure of Societies. Princeton: Princeton University Press, 1966.*
2. *Eisenstadt S. Tradition, Change, and Modernity. New York: Wiley, 1973.*
3. *Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Cambridge: Polity Press, 1994.*
4. *Eisenstadt S. Multiple Modernities. Daedalus. 2000. Vol. 129. No 1: 1-29.*
5. *Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage Publications, 1992.*
6. *Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge: Polity Press, 2000.*
7. *Adorno T., Horkheimer M. Dialektik der Aufklärung. Amsterdam: Querido Verlag, 1947.*
8. *Marcuse H. One-Dimensional Man. Boston: Beacon, 1964.*
9. *Marcuse H. Eros and Civilization. Boston: Beacon, 1955.*
10. *Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main: Surkamp Verlag, 1981*
11. *Baudrillard J. Simulacres et simulation. Paris: Galilée, 1981.*

КОНЦЕПТ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ТЕОРИИ ГИБРИДНОГО СОЦИУМА: ОТ ОНТИКИ К ОНТОЛОГИЗАЦИИ

Игнатьев Владимир Игоревич
(Новосибирский государственный технический университет-НГТУ-НЭТИ)

В последнее время в отечественной социологии активизировался интерес к обсуждению проблем социальной онтологии, в том числе о природе и сущности социального [1]. Социология, опираясь на фундаментальные положения общей теории социального (социальную онтологию), традиционно изучает его исторические и локальные формы. Так продолжалось вплоть до начала XXI века, когда стал происходить метаморфоз уже не с очередной формой коллективности, а с ее субстратом – метаморфоз и перерождение самой морфологии социальной жизни. Состав человеческого общества становится *теперь уже другим.* И он уже не исключительно человеческий.

Устройства с искусственным интеллектом (ИИ) начинают выполнять социальные роли и становиться подобными субъектам особого технического рода – техносубъектами [2]**.** Есть основание рассматривать содержание современных социальных изменений, не только как процессы, происходящие внутри социума людей, и трансформации индивидов в гибридные технобиологические существа, но и как морфогенез социальных множеств нового класса, состоящих из агентов нового вида социальности. Это переход к новому – гибридному – виду социума [3]. Концептуализация гибридного социума предполагает разработку социальной онтологии, в основу которой должен быть положен концепт